

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

ROMAIN LUCAZEAU

LATIUM
TOME 2

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

РОМЕН ЛЮКАЗО

ЛАЦИЙ
В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА

Перевод с французского Ины Голдин

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)
Л94

Серия «Звезды научной фантастики»

Romain Lucazeau
LATIUM-II

*Published by arrangement with
Lester Literary Agency*

Перевод с французского: Ина Голдин

*В оформлении обложки использована
иллюстрация Manchu*

Дизайн обложки: Юлия Межова

© Éditions Denoël, 2016
© Ина Голдин, перевод, 2022
© Manchu / Denoël – Lunes d'Encre
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*2015 году,
спасенному в последний момент*

Вы забыли, должно быть, что в юдоли этой глухой
Только тени и боги мой смеют нарушить покой,
Я своим мастерством подчинил это место молчанию,
И любой, кто нарушит его, понесет наказание.

П. Корнель. Золотое руно, акт IV, сцена 1

Интермедия

Поток антиэлектронов вспыхнул в аттенюаторе на корме. Этот поток возник практически из ничего: несколько зернышек, на вес меньше миллиграмма. Он появился с недолгим звоном, почти музыкальным, но не совсем — этот звук, бесконечно малый, неслышимый для живого уха, но все же различимый с помощью подходящих приборов, сопровождал танец машины, рассекающей космос. Это почти не-событие стало точкой отсчета цикла, который закончится мгновенным перемещением на десяток катетофотов¹, в результате последовательности физических операций и сложных расчетов.

Несколькими мгновениями ранее античастицы, созданные в одном из двух акселераторов Корабля, были собраны в сдерживающей камере — экранированном яйце-

¹ *Катетофот* — от гр. Katétôphos (мн.ч. katétophotès) : Kat'eteos phos, световой год. Напоминание для читателей, которые между первым и вторым томами посетили страну лотофагов. («Страна лотофагов» упоминается в «Одиссее» — согласно Гомеру, плоды лотоса давали забвение всем, кто их отведают.) — *Прим. пер.*

видном помещении размером с ипподром. Там с помощью криостатического насоса¹ поддерживался самый строгий вакуум — иначе взрыв чистой энергии развеял бы и Корабль, и его обитателей. Создание антиматерии было опасной и сложной игрой, поскольку она противилась существованию в обычном окружении. Конечно, имелись и другие возможности, основанные на древнем, но неизменном процессе расщепления урана или тория. Однако они не позволяли получить за очень короткое время тысячи киловатт-часов, необходимых для перемещения Корабля.

Так что «Транзитория» походила на древнего Левиафана с изначальной планеты — кита, что бороздил океанские глубины и проводил всю жизнь, фильтруя морскую воду в поисках криля или планктона. Здесь же невидимые сети собирали блуждающие атомы водорода или — от случая к случаю — черпали стратосферу газовых гигантов. Собранную таким образом материю хранили, а после ускоряли до одной доли скорости света и в конце концов раздробляли так, что от удара образовывались мириады странных частиц, прежде всего — антиэлектронов. Эти последние стремились к одному: скорее вернуться в небытие потока устрашающих гамма-лучей и тепла при встрече с обычными электронами — теми, что без лишнего шума наполняли известную вселенную.

¹ *Криостатический насос* — аппарат, позволяющий получить ультравакуум (давление ниже 10^{-9} мбар) на основе свойств жидкостей с очень низким порогом замерзания, таких как жидкий азот или кислород.

Аттенюатор, в который античастицы направлялись после сдерживающей камеры, был нужен, чтобы обуздать этот риск. Он походил на узкий вытянутый цилиндр длиной в триста метров, внутренняя структура которого напоминала слоеный пирог из металла и вакуума, пронизанный совокупностью магнитных индукций, тонких, как кисточки. Они направляли потоки, чтобы избежать малейшей утечки, последствия которой были бы катастрофическими.

Встреча материи и антиматерии и на сей раз произошла под контролем. Температура взлетела до пугающих цифр. Всякое живое существо поблизости, любой носитель полубиологической программы был бы обращен в пыль. Доля тепла, полученного таким образом, передалась в трубы, наполненные аргоном. Газообразный элемент мигом преобразился в волну жидкости, которая хлынула на гигантские турбины на корме Корабля, приводя их в движение, а вслед за ними и систему электромагнитов. Созданный таким образом поток электронов ринулся по сверхпроводящим каналам. Как всегда, нэмы, управляющие операцией, обратились с короткой молитвой к Числу и Концепту, чтобы выдержала система передачи.

Электрическая мощность затопила один из двух модульческих модуляторов, расположенных неподалеку, за несколькими слоями брони. Система мгновенного перемещения вернулась к жизни.

Модуляторы образовывали категорию странных существ — их структура была материальна лишь наполовину и по большей части помещалась за пределами физического пространства. Они не перемещались, не умели

воздействовать на свое непосредственное окружение. У них не было ни рук, ни ног, ни сенсорного аппарата. Недвижимые движущие силы, невозможные физически, скорее духовные, чем мирские, они относились к особой расе Интеллектов, с другими, непонятными целями и со странными умственными способностями. Монадические модуляторы не действовали. Склад ума располагал их скорее к созерцанию непостижимых чертежей существования: словно Бог пифагорейцев, они считали, и их подсчеты меняли бытие, пространство и время.

Более традиционные Интеллекты не создавали их, но приняли в свой круг когда-то в далеком прошлом, заключив с ними простой договор: в обмен на регулярно поставляемые большие дозы энергии они снизойдут до того, чтобы манипулировать монадической структурой мира, верша свои странные чудеса. Принцессы Урбса, наследники людей, подозревали, что модуляторы располагают гораздо большими способностями, но те ни разу не пожелали ими поделиться.

Чем они занимались все остальное время? Никто — с самого момента их изобретения физиками-людьми из академии Ио — этого не знал. Ученые стремились улучшить суперкалькуляторы, а не изобрести средство передвижения. Их способности объяснялись заумной теорией, согласно которой бесконечное множество духовных атомов составляло скрытую основу вселенной. Каждый из них располагал собственной точкой зрения на бытие, особой и уникальной — как разные углы, под которыми можно увидеть город, — и каждый воспринимал других в одной из бесконечного множества вероятных перспектив, содержа их в себе, если можно так сказать, пусть

частично, но вполне реально. В такой перспективе все было взаимосвязано, и это множество удерживала вместе неуловимая общность. Расстояний и времени не существовало. Они были лишь переводом концептуальных различий на язык смутной чувствительности животных, людей и их искусственных последователей.

Модулятор левого борта оживился; его близнец пока отдыхал от предыдущего прыжка, совершенного тремя четвертями часа раньше.

Сам он сосредоточился на тонкой структуре окружающего мира и присмотрелся к тому, как устроена ткань вселенной в ближайшем окружении Корабля.

Выражение

Каждая точка соответственно выражала и все остальные. Дискретное различалось в континууме, стирая различия между близким и далеким. ИмPLICITная аксиоматика мира была полной и логичной. Ни одно ее свойство не ускользало от модулятора. Ничего иррационального. Ничего запредельного.

Искавление

Изменить характеристики одной точки зрения означало преобразить и все остальные. С помощью математического ухищрения — дальнего родственника дифференциального исчисления — модулятор изменил одновременно точку отсчета и точку прибытия, чтобы их перспективы временно совместились.

Перенос

Тревожная вибрация пронзила Корабль — будто каждое крошечное зернышко материи или энергии вдруг оказалось в неудобной позиции. Монады перестроились, мир изменился в облаке экзотических частиц, и машинное

отделение на корме перевооружилось, готовясь к новому циклу мгновенного перемещения.

* * *

Когда на Отона нахлынуло неприятное ощущение разьединенности, он поднял глаза, глядя, как изменились контуры созвездий. Он находился в просторном амфитетре, который превратил в свою смотровую палубу, покрыв его прозрачным куполом. Сидя на скамье из древнего камня, окруженной двумя ярусами аркад, Бог остался один в своих размышлениях, пока Корабль приближался к Урбсу. Разум его был способен определить легкие сдвиги в положении ближних звезд. Но галактика, представлявшаяся его очам как длинная сияющая лента, едва ли изменилась. Отон позволил своему сознанию погрузиться в это зрелище.

*Млечный Путь. *Vagina genitum*¹, матрица народов и источник опасностей. Отсюда — практически снаружи — он походил на усыпанную светящимися точками хрустальную сеть ошеломляющей ледяной красоты. Человечество выросло на спокойной границе Большой спирали, где звезды были редки, а энергия ограничена. На этом берегу, за пределами которого лишь холодная пустыня простиралась от одного сверхскопления галак-*

¹ *Vagina genitum*: данный термин обозначает обширные территории за границами Римской империи, откуда происходит множество германских племен, регулярно нападавших на изведанный мир. Может быть буквально переведено как «магазин» варварских народов. Выражение позаимствовано у Иордана, позднего историка Римской империи.

тик до другого, Человек процветал вдали от опасностей. Однако еле различимые знаки не обманывали. Там, возле центрального купола, омываемого постоянным потоком питательного излучения, кипела жизнь. Иногда вспыхивали грандиозные бои, охватывая тысячи катетофотов по периметру, со взрывами, способными задуть целые светила. Племена пожирали друг друга, пока одно из них не изгоняло другое из своего нового жизненного пространства, вынуждая и его, в свою очередь, оружием отвоевывать себе место под солнцем, и так далее. Процесс, побудивший варваров начать миграцию в постчеловеческое пространство, возможно, начался сотни тысяч лет назад и вовлек в себя невероятное количество разумных рас. Страх и жестокость распространялись от одной цивилизации к другой, и каждая из них гнала другую до самых границ вселенной.

Отон будет бороться, чтобы сохранить целостность эпантропического пространства, этого Лация, простирающегося к звездам. Отона создали в глубокой и холодной каменной крепости с одной целью — подарить Человечеству его воина. Сам он считал себя идеальным воплощением и последним экземпляром длинной череды бойцов, которых история дала миру. Древняя разрушительная мощь, влечение к смерти и жажда славы, тактическое мышление, доведенное до точки наивысшего развития, — и все это сосредоточено в одном разуме. Среди ноэмов, переживших Гекатомбу, генералов древнего Экзерцитуса, чудовищ, которые бродили по границам Имперiums, никто не мог с ним сравниться. Это по его подсказке Нерон принялся строить Рубежи — огромные выхолощенные пространства, которые остановили

движение врага. И план, как свергнуть того самого Нерона и посадить на трон Гальбу, принадлежал не кому иному, как Отону.

И однако Отона, как и всех его собратьев, до сих пор ограничивали Узы. Отсутствие хозяина, который командовал бы ими, превращало совершенное оружие в бесполезную игрушку, обреченную почти беспомощно наблюдать за вторжением в жизненное пространство человека. Без точных инструкций он не мог убить биологическое существо.

Этот парадокс мучил Отона, как и других. Некоторые из принципов Урбса ревностно трудились над изменением данных параметров. Эта затея свидетельствовала об отчаянии, охватившем его сородичей. Если она удастся, изменения будут сопровождаться преобразованием настолько глубинным, что подвергшиеся им Интеллекты себя не узнают. В противоположность им, другие — и среди них первая Плавтина, — требовали продолжения лихорадочных поисков Человека, поставив все на надежду, что где-то в Солнечной системе должен оставаться хотя бы слабый след генома *Homo sapiens*, зернышко, из которого снова вырастет целая цивилизация. Отон не возражал против такой линии поведения и даже заключил с принцессой долгий союз, который зиждился на отказе ослаблять Узы. Он абсолютно не желал становиться кем-то другим, но не питал иррациональной, мессианской веры, способной поддерживать его в собственных поступках. После четырех тысячелетий Человеку не вернуться.

Перед ним открывался срединный, прагматичный путь. Срединный — но не легкий. Ступая на него, он

пожертвовал компанией братьев, оставил свое место в Урбсе и даже на собственном Корабле. Его «я» сузилось до размеров меньших, чем было при рождении, и теперь зависело от единственного — и уязвимого — тела.

Но теперь он обладал сокровищем, подобного которому не знали в этом огромном мире: расой людосов. Они могли вести битвы, владеть оружием и убивать. Их вел охотничий инстинкт. К тому же они имели естественную предрасположенность к уважению, подчинению и покорности. Об этом позаботилось Человечество. И теперь с их помощью Отон мог нанести удар. Недавняя битва в космосе стала тому доказательством.

С условием, что они будут ему подчиняться. В этом смысле появление Плавтины смешало его планы. Он пожал плечами. Это лишь ускорило ход событий. Эврибиад и Фотида должны были признать очевидное: они не могли рассчитывать на то, что он не сможет их защитить, и, напротив, могут надеяться на спасение, пока хранят Корабль в целостности и сохранности. Они, без всякого сомнения, умны и достаточно скоро поймут, что выбора у них нет. В это самое время в огромном отсеке, заполненном морской водой под фальшивым небом, имитирующим небеса родной планеты, они наверняка думают об этом и придут к единственному возможному заключению.

И все же Плавтина застала его врасплох. В этой странной, уязвимой на вид молодой женщине Отон различал черты характера старой Плавтины. Он исходил из принципа, что она остается Интеллектом, как и ее создательница. Сообщить нечеловеческим созданиям о существовании Уз — для нее это наверняка стало